

--	--	--	--	--	--

**Внесите, пожалуйста, ШИФР
с регистрационной карты!**

***Муниципальный тур Всероссийской олимпиады по литературе
2018-2019 уч. год***

11-й класс

Дорогие участники олимпиады!

Предлагаем вам выполнить задания, которые помогут определить уровень вашей литературной эрудиции, культурный кругозор и умение выражать собственное мнение.

Работа состоит из **одного аналитического задания** (время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (**5 астрономических часов**) вы можете распределять количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием самостоятельно. Максимальный общий балл за работу – **100 баллов**.

В качестве первого задания вам предлагается провести **комплексный анализ текста** – прозаического **ИЛИ** поэтического. **Выбор типа текста – ваше право**.

Выполнение заданий проверяет степень сформированности аналитических и творческих филологических навыков, выявляет ваше умение увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл, – и на основе этого видения и понимания вступить в диалог с автором произведения. Учитывается историко-литературная эрудиция, а также корректное владение теоретико-литературным понятийным аппаратом.

Вы сами определяете методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения мыслей. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Также вам предстоит выполнить творческую работу.

При проверке учитываются полнота и фактическая точность, а также точность жанрово-стилевого оформления работы и грамотность речи.

Задание выполняется на отдельных листах, переписывать формулировку задания не нужно.

Работа пишется в прозаической форме. Объем работы не регламентируется и не влияет на оценку выполнения задания.

Если вы использовали черновик, сдайте его вместе с работой.

Постарайтесь рационально использовать отведенное время. Обязательно оставьте время на проверку работы.

Надеемся, что выполнение задания будет для вас увлекательным и полезным занятием.

Желаем успешной работы!

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ произведения В. Шаламова «Сентенция», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: культурно-исторический контекст, особенности темы, смысл заглавия, роль посвящения, жанровые особенности текста, особенности сюжета, хронотопа, роль финала, идейно-художественное своеобразие текста, художественные приемы, функции деталей, повторов, своеобразие субъектной организации произведения, психологизм.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа художественного текста, умение видеть художественное произведение как целостное единство элементов. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашей работы.

В. Шаламов

Сентенция

Надежде Яковлевне Мандельштам

Люди возникали из небытия – один за другим. Незнакомый человек ложился по соседству со мной на нары, приваливался ночью к моему костлявому плечу, отдавая свое тепло – капли тепла – и получая взамен мое. Были ночи, когда никакого тепла не доходило до меня сквозь обрывки бушлата, телогрейки, и поутру я глядел на соседа, как на мертвеца, и чуть-чуть удивлялся, что мертвец жив, встает по окрику, одевается и выполняет покорно команду. У меня было мало тепла. Не много мяса осталось на моих костях. Этого мяса достаточно было только для злости – последнего из человеческих чувств. Не равнодушие, а злость была последним человеческим чувством – тем, которое ближе к костям. Человек, возникший из небытия, исчезал днем – на угольной разведке было много участков – и исчезал навсегда. Я не знаю людей, которые спали рядом со мной. Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: не спрашивай – и тебе не будут лгать. Мне было все равно – будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи. У блатных на сей предмет есть жесткая, яркая, грубая поговорка, пронизанная глубоким презрением к задающему вопрос: не веришь – прими за сказку. Я не расспрашивал и не выслушивал сказок.

Что оставалось со мной до конца? Злоба. И храня эту злобу, я рассчитывал умереть. Но смерть, такая близкая совсем недавно, стала

понемногу отодвигаться. Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью. Каждый день, каждый восход солнца приносил опасность нового, смертельного толчка. Но толчка не было. Я работал кипятильщиком – легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для титана, кипятильника системы «Титан». Меня могли выгнать – но куда? Тайга далеко, поселок наш, «командировка» по-колымскому, – это как остров в таежном мире. Я еле таскал ноги, расстояние в двести метров от палатки до работы казалось мне бесконечным, и я не один раз садился отдыхать. Я и сейчас помню все выбоины, все ямы, все рытвины на этой смертной тропе; ручей, перед которым я ложился на живот и лакал холодную, вкусную, целебную воду. Двуручная пила, которую я таскал то на плече, то волоком, держа за одну ручку, казалась мне грузом невероятной тяжести.

Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы титан закипал к обеду.

Но никто из рабочих из вольняшек, все они были вчерашними заключенными – не обращал внимания, кипела ли вода или нет. Колыма научила всех нас различать питьевую воду только по температуре. Горячая, холодная, а не кипяченая и сырая.

Нам не было дела до диалектического скачка перехода количества в качество. Мы не были философами. Мы были работягами, и наша горячая питьевая вода этих важных качеств скачка не имела.

Я ел, равнодушно стараясь съесть все, что попадалось на глаза, – обрезки, обломки съестного, прошлогодние ягоды на болоте. Вчерашний или позавчерашний суп из «вольного» котла. Нет, вчерашнего супа у наших вольняшек не оставалось.

В палатке нашей было два ружья, два дробовика. Куропатки не боялись людей, и первое время птицу били прямо с порога палатки. Добыча запекалась целиком в золе костра или варилась, когда ощипывалась бережно. Пух-перо – на подушку, тоже коммерция, верные деньги – приработок вольных хозяев ружей и таежных птиц. Выпотрошенные, ощипанные куропатки варились в консервных банках – трехлитровых, подвешенных к кострам. От этих таинственных птиц я никогда не находил никаких остатков. Голодные вольные желудки измельчили, смололи, иссосали все птичьи кости без остатка. Это тоже было одно из чудес тайги.

Я никогда не попробовал ни кусочка от этих куропаток. Мое – были ягоды, корни травы, пайка. И я – не умирал. Я стал все более равнодушно, без злобы, смотреть на холодное красное солнце, на горы, гольцы, где все: скалы, повороты ручья, лиственницы, тополя – было угловатым и недружелюбным. По вечерам с реки поднимался холодный туман – и не было часа в таежных сутках, когда мне было бы тепло.

Отмороженные пальцы рук и ног ныли, гудели от боли. Ярко-розовая кожа пальцев так и оставалась розовой, легко ранимой. Пальцы были вечно замотаны в какие-то грязные тряпки, оберегая руку от новой раны, от боли,

но не от инфекции. Из больших пальцев на обеих ногах сочился гной, и не было гною конца.

Меня будили ударом в рельс. Ударом в рельс снимали с работы. После еды я сразу ложился на нары, не раздеваясь, конечно, и засыпал. Палатка, в которой я спал и жил, виделась мне как сквозь туман – где-то двигались люди, возникала громкая матерная брань, возникали драки, наступало мгновенно безмолвие перед опасным ударом. Драки быстро угасали – сами по себе, никто не удерживал, не разнимал, просто глохли моторы драки – и наступала ночная холодная тишина с бледным высоким небом сквозь дырки брезентового потолка, с храпом, хрипом, стонами, кашлем и беспамятной руганью спящих.

Однажды ночью я ощутил, что слышу эти стоны и хрипы. Ощущение было внезапным, как озарение, и не обрадовало меня. Позднее, вспоминая эту минуту удивления, я понял, что потребность сна, забытья, беспамятства стала меньше – я выспался, как говорил Моисей Моисеевич Кузнецов, наш кузнец, умница из умниц.

Появилась настойчивая боль в мышцах. Какие уж у меня были тогда мышцы – не знаю, но боль в них была, злила меня, не давала отвлечься от тела. Потом появилось у меня нечто иное, чем злость или злоба, существующее вместе со злостью. Появилось равнодушие – бесстрашие. Я понял, что мне все равно – будут меня бить или нет, будут давать обед и пайку – или нет. И хотя в разведке, на бесконвойной командировке, меня не били – бьют только на приисках, – я, вспоминая прииск, мерил свое мужество мерой прииска. Этим равнодушием, этим бесстрашием был переброшен мостик какой-то от смерти. Сознание, что бить здесь не будут, не бьют и не будут бить, рождало новые силы, новые чувства.

За равнодушием пришел страх – не очень сильный страх – боязнь лишиться этой спасительной жизни, этой спасительной работы кипятильщика, высокого холодного неба и ноющей боли в изношенных мускулах. Я понял, что боюсь уехать отсюда на прииск. Боюсь, и все. Я никогда не искал лучшего от хорошего в течение всей своей жизни. Мясо на моих костях день ото дня росло. Зависть – вот как называлось следующее чувство, которое вернулось ко мне. Я позавидовал мертвым своим товарищам – людям, которые погибли в тридцать восьмом году. Я позавидовал и живым соседям, которые что-то жуют, соседям, которые что-то закуривают. Я не завидовал начальнику, прорабу, бригадиру – это был другой мир.

Любовь не вернулась ко мне. Ах, как далека любовь от зависти, от страха, от злости. Как мало нужна людям любовь. Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись. Любовь приходит последней, возвращается последней, да и возвращается ли она? Но не только равнодушие, зависть и страх были свидетелями моего возвращения к жизни. Жалость к животным вернулась раньше, чем жалость к людям.

Как самый слабый в этом мире шурфов и разведочных канав, я работал с топографом – таскал за топографом рейку и теодолит. Бывало, что для

скорости передвижения топограф прилаживал ремни теодолита за свою спину, а мне доставалась только легчайшая, раскрашенная цифрами рейка. Топограф был из заключенных. С собой для смелости – тем летом было много беглецов в тайге – топограф таскал мелкокалиберную винтовку, выпросив оружие у начальства. Но винтовка нам только мешала. И не только потому, что была лишней вещью в нашем трудном путешествии. Мы сели отдохнуть на поляне, и топограф, играя мелкокалиберной винтовкой, прицелился в красногрудого снегиря, подлетевшего рассмотреть поближе опасность, увести в сторону. Если надо – пожертвовать жизнью. Самочка снегиря сидела где-то на яйцах – только этим объяснялась безумная смелость птички. Топограф вскинул винтовку, и я отвел ствол в сторону.

– Убери ружье!

– Да ты что? С ума сошел?

– Оставь птицу, и все.

– Я начальнику доложу.

– Черт с тобой и с твоим начальником.

Но топограф не захотел ссориться и ничего начальнику не сказал. Я понял: что-то важное вернулось ко мне.

Не один год я не видел газет и книг и давно выучил себя не сожалеть об этой потере. Все пятьдесят моих соседей по палатке, по брезентовой рваной палатке, чувствовали так же – в нашем бараке не появилось ни одной газеты, ни одной книги. Высшее начальство – прораб, начальник разведки, десятник – спускалось в наш мир без книг.

Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, еще живущие около костей. Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить – двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами. Существовал в юности, в детстве анекдот, как русский обходился в рассказе о путешествии за границу всего одним словом в разных интонационных комбинациях. Богатство русской ругани, ее неисчерпаемая оскорбительность раскрылась передо мной не в детстве и не в юности. Анекдот с ругательством выглядел здесь как язык какой-нибудь институтки. Но я не искал других слов. Я был счастлив, что не должен искать какие-то другие слова. Существуют ли эти другие слова, я не знал. Не умел ответить на этот вопрос.

Я был испуган, ошеломлен, когда в моем мозгу, вот тут – я это ясно помню – под правой теменной костью – родилось слово, вовсе непригодное для тайги, слово, которого и сам я не понял, не только мои товарищи. Я прокричал это слово, встав на нары, обращаясь к небу, к бесконечности:

– Сентенция! Сентенция!

И захохотал.

– Сентенция! – орал я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, еще не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово

возвратилось, обретено вновь тем лучше, – тем лучше! Великая радость переполняла все мое существо.

– Сентенция!

– Вот псих!

– Псих и есть! Ты – иностранец, что ли? – язвительно спрашивал горный инженер Вронский, тот самый Вронский. «Три табачинки».

– Вронский, дай закурить.

– Нет, у меня нету.

– Ну, хоть три табачинки.

– Три табачинки? Пожалуйста.

Из кисета, полного махорки, извлекались грязным ногтем три табачинки.

– Иностранец? – Вопрос переводил нашу судьбу в мир провокаций и доносов, следствий и добавок срока.

Но мне не было дела до провокационного вопроса Вронского. находка была чересчур огромной.

– Сентенция!

– Псих и есть.

Чувство злости – последнее чувство, с которым человек уходил в небытие, в мертвый мир. Мертвый ли? Даже камень не казался мне мертвым, не говоря уже о траве, деревьях, реке. Река была не только воплощением жизни, не только символом жизни, но и самой жизнью. Ее вечное движение, рокот неумолчный, свой какой-то разговор, свое дело, которое заставляет воду бежать вниз по течению сквозь встречный ветер, пробиваясь сквозь скалы, пересекая степи, луга. Река, которая меняла высушенное солнцем, обнаженное русло и чуть-чуть видной ниточкой водной пробиралась где-то в камнях, повинувшись извечному своему долгу, ручейком, потерявшим надежду на помощь неба – на спасительный дождь. Первая гроза, первый ливень – и вода меняла берега, ломала скалы, кидала вверх деревья и бешено мчалась вниз той же самой вечной своей дорогой...

Сентенция! Я сам не верил себе, боялся, засыпая, что за ночь это вернувшееся ко мне слово исчезнет. Но слово не исчезало.

Сентенция. Пусть так переименуют речку, на которой стоял наш поселок, наша командировка «Рио-рита». Чем это лучше «Сентенции»? Дурной вкус хозяина земли – картографа ввел на мировые карты Рио-риту. И исправить нельзя.

Сентенция – что-то римское, твердое, латинское было в этом слове. Древний Рим для моего детства был историей политической борьбы, борьбы людей, а Древняя Греция была царством искусства. Хотя и в Древней Греции были политики и убийцы, а в Древнем Риме было немало людей искусства. Но детство мое обострило, упростило, сузило и разделило два этих очень разных мира. Сентенция – римское слово. Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция». Я шептал это слово, выкрикивал, пугал и смешил этим словом соседей. Я требовал у мира, у неба разгадки, объяснения, перевода. А через неделю понял – и содрогнулся от страха и радости. Страх – потому

что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости – потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли.

Прошло много дней, пока я научился вызывать из глубины мозга все новые и новые слова, одно за другим. Каждое приходило с трудом, каждое возникало внезапно и отдельно. Мысли и слова не возвращались потоком. Каждое возвращалось поодиночке, без конвоя других знакомых слов, и возникало раньше на языке, а потом – в мозгу.

А потом настал день, когда все, все пятьдесят рабочих бросили работу и побежали в поселок, к реке, выбираясь из своих шурфов, канав, бросая недопиленные деревья, недоваренный суп в котле. Все бежали быстрее меня, но и я доковылял вовремя, помогая себе в этом беге с горы руками.

Из Магадана приехал начальник. День был ясный, горячий, сухой. На огромном лиственничном пне, что у входа в палатку, стоял патефон. Патефон играл, преодолевая шипенье иглы, играл какую-то симфоническую музыку.

И все стояли вокруг – убийцы и конокрады, блатные и фраера, десятники и работяги. А начальник стоял рядом. И выражение лица у него было такое, как будто он сам написал эту музыку для нас, для нашей глухой таежной командировки. Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет...

Вариант 2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ стихотворения Александра Кушнера «Когда б не заросшая эта дорога...» При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа художественного текста, умение видеть художественное произведение как целостное единство элементов. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): своеобразие субъектной организации художественного пространства и времени, соотношение предметного, философского и духовного, сиюминутного и вечного, передачи переживаний лирического героя, гармоничности его мировосприятия, внимание к деталям, своеобразие стиливого оформления, особенности стихотворной строки, неожиданные смысловые переходы, паузы, естественную интонацию устной речи.

При оценке выполнения задания учитывается владение основами анализа поэтического текста (образный ряд, ритмико-синтаксическое и фонетическое своеобразие), глубина восприятия образа лирического героя и умение истолковать его лирические переживания, умение характеризовать поэтическую индивидуальность автора, а также умение выразить свои мысли и чувства.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашего анализа.

Александр Кушнер

Когда б не заросшая эта дорога,
Петлей захлестнувшая поле и луг,
Когда б не кустарник, когда б не полого
Сползающий холм, размыкающий круг,
Когда б не петлей захлестнувшая поле,
Заросшая сплошь грубоватой травой
Дорога, которую ветер не в холе,
А в трепете держит среди полевой
Истомы, когда б не кустарник ветвистый,
С пологого быстро бегущий холма,
Когда б не дорога, не луг, не мучнистой
Мигающей бабочки бархат и тьма,
Когда б, говорю я, не холм, не дорога,
Не поле, не луг, что я знал бы о том,
Как это бесценно и как это много:
Дорога, и холм, и кустарник на нем.

Творческое задание (30 баллов)

1. Определите верную последовательность строк в стихотворении О. Григорьева «Прометей» и запишите получившийся текст.

*Никого как бы нет.
Понес людям свет.
Держу я букет огня.
Только из тьмы камни
Однако крепко руками
Градом летят в меня;
Украл у богов факел!
А люди по норам попрятались,*

2. Сочините еще один-два катрена с заданной системой рифмовки, предложите дальнейшее развитие лирического сюжета. Используйте олицетворение и эпитет (подчеркните их в тексте).
3. Художник предлагает к данному стихотворению серию из трех иллюстраций. Составьте для него рекомендации. Опишите последовательно, что должно быть изображено на каждой из них.

Предложите цветовую гамму, манеру изображения фигур, технику исполнения. Укажите, какие подписи могут быть сделаны к иллюстрациям. Объясните Вашу позицию.